25 ДЕКАБРЯ, ПОНЕДЕЛЬНИК

Коммерсант.ru®

Кто не забыт? Что не забыто?

Леонид Максименков проследил, как трансформировалась за полвека идея мемориала жертвам репрессий

26.10.2015

) октября — день памяти жертв политических репрессий. В нынешнем году он особенный: месяц назад был подписан указ президента N 487 "О возведении мемориала жертвам политических репрессий". Как утверждают историки, наша бюрократия шла к этому мемориалу 54 года

Леонид Максименков

Путь был извилист, не ритмичен и тернист. Политические особенности в Отечестве накладывали на него свой неповторимый отпечаток и придавали особый колорит. "Огонек" попытался восстановить значимые этапы процесса.

Этап первый: памятник товарищам

27 октября 1961 года. Москва. Кремлевский Дворец съездов. XXII съезд КПСС — съезд строителей коммунизма. Главный удар по Сталину первый секретарь ЦК Никита Хрущев наносит в заключительной речи по отчетному докладу.

Рассказав о своей версии убийства Кирова и оторвавшись от текста выступления, Хрущев воскликнул:

"Так гибли многие ни в чем не повинные люди. Вот что значит культ личности. Вот почему мы не можем проявлять хотя бы малейшую терпимость к злоупотреблениям властью. Товарищи! В президиум съезда поступили письма старых большевиков, в которых они пишут, что в период культа личности невинно погибли выдающиеся деятели партии и государства, такие верные ленинцы, как товарищи Чубарь, Косиор, Рудзутак, Постышев, Эйхе, Вознесенский, Кузнецов и другие. Товарищи предлагают увековечить память руководителей партии и государства, которые стали жертвами необоснованных репрессий в годы культа личности. Мы считаем это предложение правильным. *(Бурные, продолжительные аплодисменты.)* Целесообразно

было бы поручить Центральному комитету, который будет избран XXII съездом, решить этот вопрос положительно. Может быть, следует соорудить памятник в Москве, чтобы увековечить память товарищей, ставших жертвами произвола. *(Аплодисменты.)*".

Вот здесь бы и внести проект резолюции, а делегатам единогласно проголосовать. Тогда бы встреченное аплодисментами предложение приняло силу закона. Но, увы, не внесли, не проголосовали, не приняли.

Вместо этого на трибуну вышла старушка Дора Абрамовна Лазуркина (партийная кличка Соня) и рассказала, что ей, старой большевичке и жертве культа личности, приснился Ленин и сказал, что он не хочет быть в Мавзолее рядом со Сталиным.

Товарищ Соня предложила: "Вынести Сталина из Мавзолея". За этот проект проголосовали сразу, единогласно, и в ту же ночь тело Сталина вынесли и захоронили, предварительно срезав золотые пуговицы с мундира генералиссимуса.

Тут нельзя не отметить: и идея памятника "товарищам, ставшим жертвами произвола", и перезахоронение Сталина были, по сути, двумя сторонами одной медали. Ее созидательной стороной (памятник жертвам) и разрушительной (уничтожить культ Сталина). Но сменить надпись на Мавзолее оказалось легче, чем созидать новый памятник.

Что же предлагал Хрущев? Концепция памятника и его идеологические границы были обозначены четко: "Увековечить память товарищей, ставших жертвами произвола".

То есть предполагалось: памятник будет не всем жертвам произвола, а только "товарищам", "верным ленинцам". Это во-первых. Во-вторых, только реабилитированным, причем по партийной линии.

Это был принципиальный момент. Чего не поняла из своего парижского далека вдова Льва Троцкого Наталья Седова. Уже через неделю после выступления Хрущева она отправила письмо в ЦК КПСС и президиум Верховного совета СССР с просьбой расследовать убийство Троцкого (он, кстати, не реабилитирован до сих пор, архивные дела засекречены и сегодня, а предложения лишить его убийцу Рамона Меркадера (он же Рамон Иванович Лопес) звания Героя Советского Союза не звучали ни разу).

Письмо Седовой оставили без ответа. Но сомнения в верхах оно посеяло: засомневались в целесообразности памятника. А вдруг он станет местом притяжения для недобитых троцкистов, бухаринцев, потомков эсеров (правых и левых), меньшевиков и, боже упаси, буржуазных националистов, монархистов и церковников?

О памятнике, правда, вспомнили потом еще раз — через год. После того, как в октябре 1962 года в "Правде" было опубликовано стихотворение Евгения Евтушенко "Наследники Сталина", а в "Новом мире" вышла солженицынская повесть "Один день Ивана Денисовича". Чуткая к начальственным эманациям номенклатура тут же уловила "флюид" и извлекла из архива хрущевскую идею о памятнике. Завсектором Отдела культуры Василий Кухарский и его начальник Дмитрий Поликарпов предлагают соорудить в Москве памятник "жертвам произвола в годы культа личности". Круг пострадавших раздвинулся — отныне к нему относились не только "товарищи" Постышев и Косиор (теоретики и практики голодомора) или Эйхе (организатор репрессий в Сибири). Московскому городскому комитету КПСС, Министерству строительства и Министерству культуры СССР поручили сооружение памятника в течение 1963-1964 годов.

Инициатива, однако, прожила всего две недели — уже 4 ноября вопрос был снят с обсуждения секретариата ЦК. В чем была проблема? Время. Как там у Ленина? Вчера — еще рано, а сегодня — уже поздно. В советской истории часто все решал не то что год и месяц, а неделя и даже день.

Когда вносили предложение о памятнике, еще не разразился Карибский кризис с его ракетами с ядерными боеголовками. А когда вопрос "донесли" 4 ноября, то кризис уже разрешился и ракеты решили срочно вывозить с далекой Кубы. Кремлевское руководство заглянуло в лицо катастрофе и на всякий случай решило Сталина и его жертв не трогать.

Скорее по инерции пытались вернуть добрую память отдельным жертвам режима, например вождю ленинградских большевиков — Алексею Кузнецову. Так, министр торговли РСФСР Дмитрий Павлов, адмирал Владимир Трибуц, народный артист СССР Николай Черкасов и генерал армии Иван Федюнинский просят президиум ЦК КПСС:

"Когда в 1949-1950 гг. было сфабриковано т.н. "ленинградское дело", доброму имени Ленинградской партийной организации был нанесен ущерб и пострадало множество людей, в т.ч. А.А. Кузнецов. ЦК КПСС полностью отменил это фальшивое "дело" и реабилитировал погибших и репрессированных людей. Однако в самом Ленинграде до сих пор мало что сделано, чтобы отдать должное памяти жертв "ленинградского дела"".

Предлагалось присвоить звание Героя Социалистического Труда (посмертно) бывшему руководителю Ленинградской парторганизации Кузнецову и поручить Ленинградскому обкому партии назвать именем Кузнецова одну из улиц Ленинграда и установить там его бюст.

Анастас Микоян визирует проект указа президиума Верховного совета СССР: "За выдающуюся роль в героической обороне Ленинграда и в связи с шестидесятилетием".

Но 20 мая 1965 года вопрос будет снят с обсуждения по указанию заведующего Общим отделом ЦК КПСС Константина Черненко.

Судя по всему, далеко не случайно: после Хрущева при новом генсеке с жертвами решили действовать тихо, по-семейному. Если родственники захотят почтить их память, разрешить указывать имена и фамилии "незаконно репрессированных" на могильных плитах и кладбищенских памятниках. Только без антисоветчины в надписях. И вопрос решать индивидуально, в каждом отдельном случае — с ведома Института марксизма-ленинизма ЦК КПСС, профильного министерства (ведомства) и согласия ЦК КПСС. Как, например, произошло с просьбой родственников видного советского чекиста, руководителя ОГПУ на Дальнем Востоке Терентия Дерибаса. Просьбу поддержал КГБ, ну и фамилия жертвы появилась на могильной плите его вдовы.

Что же касается самого товарища Черненко, то нельзя не вспомнить, что именно при его участии справедливость стали восстанавливать по отношению к репрессированным, которые по совместительству были и палачами, чьи подписи стояли на расстрельных списках с тысячами фамилий. Черненко, например, сам вручил партийный билет Молотову в 1984 году (через 21 год после исключения того из КПСС). А политбюро вынесло решение:

"Признано целесообразным: 1. Разрешить управлению делами СМ СССР и МИД СССР выделить для Молотова и Жемчужиной (жена Молотова.— **"О"**) отдельную небольшую дачу под Москвой. 2. Разрешить Молотову работать в библиотеке в отдельной комнате. 3. Тов. Демичеву посмотреть вопрос о пользовании личным архивом"...

Этап второй: памятник жертвам Сталина

Идея памятника жертвам репрессий воскресла в разгар перестройки — на 19-й партийной конференции летом 1988 года. Тогда всей стране, прильнувшей к экранам телевизоров и до дыр зачитывавшей каждый номер "Московских новостей" и "Огонька", казалось, что все получилось спонтанно.

Лишь потом, когда приоткрылись архивы, выяснилось, что экспромт был хорошо подготовлен.

8 июня в политбюро поступает законодательная инициатива из Ленинграда.

"ЦК КПСС

В областной комитет партии, редакции ленинградских газет поступают письменные и устные обращения граждан с предложением о создании на средства населения памятника жертвам сталинских репрессий и, в частности, проходившим по "ленинградскому делу".

Обком КПСС считает возможным поддержать это предложение и опубликовать в местной печати соответствующее письмо ветеранов партии, рабочих, ученых, представителей творческой интеллигенции. Просим рассмотреть.

Секретарь Ленинградского обкома КПСС Ю. Соловьев".

Ленинградские товарищи назвали свой проект "Памятник жертвам сталинских репрессий" и обозначили местный характер инициативы: позорное "ленинградское дело" начала 50-х годов (Кузнецов и др.). То есть соединили хрущевский подход с инициативами массового движения, которое вылилось на улицы.

Политбюро и запустило питерскую инициативу в зал Кремлевского Дворца как свою собственную. Конференция идею поддержала. 4 июля 1988 года, сразу после окончания конференции, было принято постановление "О сооружении памятника жертвам беззаконий и репрессий".

"Воздвигнуть в Москве памятник жертвам беззаконий и репрессий, имевших место в годы культа личности.

Поручить гг. Захарову В.Г. (Минкультуры СССР) и Сайкину В.Т. (Мосгорисполком) внести предложения по этому вопросу с учетом обсуждения, состоявшегося на заседании политбюро ЦК".

Новый старый проект назывался "Памятник жертвам беззаконий и репрессий, имевших место в годы культа личности".

Оставалось понять, кого считать жертвами беззаконий и репрессий.

Но и этот проект постигла неудача. В середине 1989 года поста министра культуры лишился Василий Захаров. Вместе с министром в архив были сданы и его бумаги. Новому же министру заниматься делами предшественника было не с руки.
С председателем Мосгорисполкома Валерием Сайкиным произошло сложнее. Сначала его сместил с поста так называемый демократический Моссовет в апреле 1990-го, а через пару лет не стало и Моссовета с Мосгорисполкомом.

Проект опять заморозили. До третьей попытки пройдет еще четверть века.

Третий этап: вспомнить всех?

Что нового в указе N 487 от 30 сентября 2015 года и какая традиция прослеживается?

От старых аппаратных наработок — выбор ответственных сторон. Правительство РФ и правительство Москвы. Столица выделяет участок. Федеральное правительство в лице Министерства культуры обеспечивает проектную документацию и оплату.

Остальное — новое. Утвержден конкретный проект "Мемориала жертвам политических репрессий". Известен автор памятника — Георгий Франгулян (интервью со скульптором о его новой работе см. в "Огоньке" N 39, 2015 год). Мы имеем название проекта, по сути, его концепцию — "Стена скорби". Указ вступает в силу со дня его подписания ("возвести" и "определить источники финансирования"). Значит, проект окончательный, обсуждению и обжалованию он не подлежит. Правда, нет срока исполнения проекта. А он, как мы уже знаем, может растянуться надолго.

Главное достижение бюрократической саги длиною почти в 55 лет — в названии проекта.

У Хрущева: "Памятник в Москве, чтобы увековечить память товарищей, ставших жертвами произвола".

У Горбачева: "Памятник жертвам беззаконий и репрессий, имевших место в годы культа личности".

У Путина: "Мемориал жертвам политических репрессий".

Налицо движение от партийной конкретики и жестких временных рамок к расширению исторического контекста и общечеловеческим обобщениям. Одно жаль: вместе с указом не опубликовали аппаратную аналитическую записку к нему, так называемый инициирующий документ. При таких архивных порядках, ждать его рассекречивания придется лет сто.

Еще смущает одно аппаратное обстоятельство: нет пока разъясняющих документов на сайте правительства, которому поручено определить источники финансирования мемориала — без них проект остается декларацией о намерениях, с Минкульта спрашивать нечего. Не случайно поисковик министерского сайта на запрос "мемориал жертвам политических репрессий" и прочее по тексту указа упорно выдает: "Не найдено".

Журнал "Огонёк" №42 (http://kommersant.ru/ogoniok/90249) от 26.10.2015, стр. 26